

Тамара Николаева

В ЧИСТОЙ комнате с современной мебелью на длинной жерди была подвешена люлька — совсем как в старинной избе. Антониды Афанасьевна покачивала ее и пела. Поскрипывала жердь, мерно качалась в люльке маленькая Леночка. Пропеты были колыбельные песни, кончились протяжные, рекрутские, исторические. Дошел черед и до городских романсов, потом и до так называемых жестоких. Вдруг прозвучала песня, в чем-то очень похожая на остальные и чем-то разительно непохожая.

Под вечер осени ненастной
пустынным дева шла местам
и тайный плод любви

несчастной
держала в стрепетных руках.
Все было тихо — лес и горы,
все спало в сумраке ночном.
Она внимательные взоры
кидала с ужасом кругом.
И на невинном сем творенье,
вздыхнув, остановила их:
— Ты спишь, дитя,

мое мученье,
не знаешь горестей своих.
Не встретишь больше поцелуя
несчастной матери своей.
Дадут приют тебе чужие
и скажут: ты для нас

чужой.
Склонившись, тихо опустила
младенца на порог чужой.
Со страхом очи опустила
и скрылась в темноте ночной.

Александр Пушкин. Сюита портретов. Чернила.

«СПОЙ МНЕ ПЕСНЮ...»

Стихи Пушкина в вятских альбомах

Независимая газета. — 1998. — 18 июня. — с. 7

Сквозь корявые строчки проглядывала удивительная гармония. Да, это стихи, которые с большой вероятностью приписывают Пушкину. О том, что Пушкина поют в народе, — известно, но этот «Романс» не часто теперь услышишь, хотя в прошлом веке он уже был зафиксирован как народная песня. Самое удивительное, что написан романс, когда Пушкину было 15 лет!

Антониды Афанасьевна Загоскина пела и еще одну песню, которую называла среди любимых:

Сидит за решеткой орел
молодой,
орелик, орелик, орел молодой,
кровавую пишу клюет
под окном.
Клюет и бросает, и смотрит
в окно —
любимый товарищ задумал одно:
— Куда, брат, полетим,
куда полетим?
На синее море, на желтый
песок.
На синем на море волнует волна,
за этой волною чернеет гора,
за этой горою белеет тюрьма...

Тут уж вроде бы совсем далеко от пушкинского «Узника», но начало этого стихотворения оказалось так любезно сердцу народных исполнителей, что они к нему пристраивают разные концы.

Стоит прочитать Пушкина с оглядкой на народную песню — не только русскую, не только крестьянскую, как обнаружится удивительно большое количество стихов по духу, по настроению, по самой сути близких народному творчеству. Собиратели народного творчества с середины прошлого века записывали и до сих пор записывают пушкинские тексты, ставшие народными.

О широком фольклорном распространении этих текстов свидетельствуют и рукописные альбомы, которые аккумулировали в себе самые популярные поэтические произведения — и древние крестьянские песни, и комические куплеты, и стихи любимых поэтов. Современник Пушкина В.П. Горчаков вспоминал: «Страсть к альбому и списыванию стихов была общезнакомой: каждая девочка от 15-летнего возраста и восходя до тридцати, непременно запасалась альбомом, каждый молодой человек имел не одну, а две, три или более тетрадей стихов, дельных и недельных, позволительных и непозволительных... В подобных сборниках не раз мне случалось встречать стихи Пушкина, и нередко в таком безобразном искажении, что едва можно было понять, в чем дело; но между тем каждое его стихотворение непременно было скреплено его именем...»

У меня есть два старых альбома. Один долго хранился в семье Кировского писателя Б.А. Порфирьева, но откуда он взялся, кто в него писал — уже забыто. Другой — из семьи известных вятских земских деятелей Громозовых. Оба альбома — своего рода примеры включенности творчества великого поэта в духовную жизнь вятского обывателя. Как всякое явление «живой жизни», рукописные альбомы содержат в себе и глубокое, и проходное, и серьезное, и смешное. В порфирьевском альбоме кроме стихов и песен есть загадки, басни, пословицы. Большинство стихов безымянны, но есть и подписанные: Державин, Хемницер, Крылов, Кольцов, Лермонтов, Даль и другие.

Подпись «Пушкин» встречается чаще других. В альбоме записаны вот такие стихи Пушкина: «Романс» («Под вечер осени ненастной...»), «Моя эпитафия» (с рисунком памятника), «Красавица перед зеркалом» (с рисунком красавицы), «Зимний вечер» («Буря мглою небо кроет...»), «Лиле» («Лила, Лила, я страдаю...»), «История стихотворца» («Марают он единым духом...»), «Бесы» («Мчатся тучи, вьются тучи...»). Но, кроме того, есть и другие стихи, подписанные именем Пушкина. Например такие:

Когда богатый старичок
берет жену да молодую,
То он выходит дурачок —
И женится напропалую.
Умри лишь этот старичок,
Не трать время
по-пустому,
Его набитый сундучок
Жена сейчас отдаст другому,
Не старому, а молодому.

Приписано Пушкину и стихотворение, давно ставшее одной из популярнейших народных песен. Фольклористы записывали ее с началами: «Как на Каме на реке...», «Как на Вятке на реке...», «Как над Волгою-рекой...» и другими. Это стихотворение Федора Глинки «Над серебряной водой, на златом песочке...» — и тут еще можно понять, почему оно приписано Пушкину. Но как могли счесть пушкинскими другие стихи — ему непостижимо! Например:

Младья-красотки, приманка
мужчин,
искусно умеют прельщать!
Лишь милая взглянет —
вся кровь
закипит
И сердце забьется тотчас...

Судя по нашим альбому, необычайно популярна была пушкинская «Черная шаль» («Гляжу, как безумный, на черную шаль...»), которая записывалась под названием «Молдавская песня». В порфирьевском альбоме записана и сама песня, и три ее переделки! Причем песня записана явно по слуху, а не с книги. Один вариант записан с пометой: «На голос песни: «Гляжу я безмолвно на черную шаль...» Другой — явно семинарский:

Гляжу я уныло на черствый
ломоть,
Голодное брюхо на рвоту зовет.
Когда едоком я в словесности
был,
Гороховицу я одну лишь любил.
Бывало, когда аппетит
наступал,
Один по две миски легко я съедал.
Но долго ль бурсаку
до черного дня?
Недолго блаженство цело
для меня...

И дальше автор пространно рассказывает, как его наказали за пьянство, посадили, видимо, в карцер, как принесли любимое блюдо, но:

Хомяк преогромный
с предлинным хвостом
Всплыл наверх и тотчас
же скрылся потом...
С тех пор я в столовой не вижу
добра.
С тех пор за обедом не ел
ни ФЕРТА.
Гляжу, будто постник,
на черствый ломоть,
Голодное брюхо на рвоту зовет.
Третья переделка — до боли знакомый мотив:
Гляжу я безмолвно на рюмку
с вином,
Похмельную душу воротит
вверх дном.

Когда я известным всем
пьяницей был,
Один Ерофеич я страстно
любил...

В рукописном альбоме Громозовых такая же популярность выпала на долю другого пушкинского стихотворения «Я здесь, Инезилья...» Сначала текст записан, как положено: «Вот взошла луна золотая...» И испанка привычно оперлась на балкон, и ночной зефир, как всегда, струит эфир, правда, река названа так: Гвадал Кви-вир. И тут вдруг привычное течение серенады нарушается этим канканом — появляется припев:

Комзолья, комзолья,
фильям бом бом,
Ричь рай рай рай, фильям бом бом,
фильям бом бом,
фильям бом бом,
фильям бом бом.

Второй куплет опять привычный, только просьба певца заканчивается несколько забавнее, чем у Пушкина:

Сквозь чугуныя перила
Ножку длинную протянь...

После припева (должно быть, опять с канканом) альбомная серенада неожиданно продолжается:

Вот прелестная выходит
На чугуное крыльцо,
А луна свой блеск наводит
На прелестное лицо.

И действительно: жалко что ли было Пушкину написать, вышла испанка на крыльцо или нет?

Пушкин посвятил альбому четыре строфы в «Евгении Онегине», где прямо противопоставлял «уездной барышни альбом» и «великолепные альбомы... из библиотеки чертей». Наши вятские альбомы безусловно относятся к первому виду, хоть и не всегда, может быть, принадлежали «уездным барышням». Ученые ограничивают время развития культуры альбомов середины прошлого века, но они существовали и после, и существуют сейчас. Теперь, правда, это не альбомы, а тетради, чаще общие, школьные, которые «все подружки измарали с конца, с начала и кругом». И здесь стихи «уменьшены, продолжены» и вписаны «на зло правописанию», и непременно «два сердца... и цветки». Не очень вроде бы и понятно, что удерживает на плаву эту традицию. Книжки печатаются в грандиозных количествах, заполнили эфир теле- и радиопередатки, к нашим услугам всевозможная копировальная техника, Интернет, — а девочки, да и мальчики иногда, заводят тетради или альбомчики, куда переписывают понравившиеся стишки, песни, а на самой последней странице: «Кто любит более тебя, // Пусть пишет далее меня».

Есть у меня альбомчик ученицы 7-го класса, предположительно Чуркиной из г. Кирова, относящийся к 1937 году. В нем стихи, много частушек и песен. Большинство — новейшие для того времени. И вот рядом с песенкой из кинофильма «Юность Максима» находится «Черная шаль», а дальше, в соседстве с популярной песней «Есть по Чуйскому тракту дорога...» живет все тот же пушкинский «Романс».

49